

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Вольф фон Аакен

«ВЕДЬМИН КОТЕЛ» НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

**РЕШАЮЩИЕ СРАЖЕНИЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

1941–1945

Вольф Аакен

**«Ведьмин котел» на Восточном
фронте. Решающие сражения
Второй мировой войны. 1941-1945**

«Центрполиграф»

Аакен В. ф.

«Ведьмин котел» на Восточном фронте. Решающие сражения
Второй мировой войны. 1941-1945 / В. ф. Аакен —
«Центрполиграф»,

Эта книга посвящена самым драматичным моментам Второй мировой войны: Смоленск, Москва, Сталинград, Курск, Бреслау... Битвы за эти города вошли в историю как самые кровопролитные и ожесточенные, именно они стали решающими и определили дальнейший ход военных действий на Восточном фронте. Но главными героями книги являются простые солдаты. Многочисленные яркие свидетельства очевидцев заставляют читателя ощутить весь ужас военных будней простых рядовых...

© Аакен В. ф.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	5
Смоленск	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вольф фон Аакен

«Ведьмин котел» на Восточном фронте. Решающие сражения Второй мировой войны. 1941–1945

Предисловие

Эта книга посвящена некоторым драматичным моментам Второй мировой войны. Она описывает трагические ситуации и осложнения на фоне политических событий и показывает, как вообще эти ситуации могли сложиться. В любом военном конфликте существует нападающая сторона и обороняющаяся сторона. Однако почти всегда трагические моменты, которые ставят нападающих перед выбором: сопротивляться или капитулировать, бывают обусловлены внутренними причинами в стане защитников.

В первые годы Второй мировой суровые неудачи в основном преследовали наших прежних противников. И только после великого поворота на Волге в сражениях немецких войск зазвучала трагическая нота. Наша книга описывает трагические события на обеих сторонах фронта.

Такая манера изложения дает возможность подробно описать некоторых советских военачальников. Это действительно целесообразно, поскольку советские военные лидеры были практически неизвестны немецкому читателю, или его представление о них было искажено навязчивой пропагандой военного времени.

Автор постарался сделать свою работу *sine ira et studio*¹. Понимая, что судьба солдат во всех армиях мира зависит от аналогичных условий, он сделал попытку изобразить то, что объединяло всех солдат Второй мировой войны, – страдание.

Страдание господствовало на всех фронтах. Советский солдат, умерший от раны в живот, страдал точно так же, как его немецкий противник, который на другой стороне фронта лишился жизни после такого же ранения. Мать в Москве, потерявшая сына в Смоленске, испытывала такую же боль, как мать в Берлине, сын которой погиб в Сталинграде.

В этом общем горе все солдаты и их родственники были товарищами, связанными общей судьбой. Только это знание может нам помочь преодолеть ненависть и найти путь в будущее, в котором народы не будут враждовать.

Автор не ставил задачи вскрыть противоречия. Он должен был найти общее. И если читатель увидит это общее, значит, книга свою задачу выполнила.

Автор

---

¹ Беспристрастно (лат.).

Смоленск

Мы должны втянуть врага в сражения, если они будут связаны с большими потерями.

Генерал-лейтенант А. И. Еременко

Лейтенант Дорш, командир танка «Панцер III» в передовом отряде 17-й танковой дивизии, поднес бинокль к глазам и пристально посмотрел вперед. Перед ним на расстоянии примерно тысячи метров по шоссе Минск – Москва двигался советский танк.

Дорш опустил бинокль, протер окуляры и снова поднес его к глазам. Нет, ему не показалось. То, что ползло перед ним по шоссе, действительно было советским танком. Красная звезда была отчетливо видна на броне танка. И все-таки Дорш был шокирован.

Начиная с 22 июня 1941 года 24-летний лейтенант видел много советских танков. Передовой отряд 17-й танковой дивизии сражался с ними и уничтожил многие, потому что советские танки значительно уступали своими возможностями немецким танкам «Панцер III» и «Панцер IV».

Однако колосс, который в первые дни июля 1941 года двигался по шоссе Минск – Москва, появившись перед передовым отрядом 17-й танковой дивизии восточнее Борисова, существенно отличался от танков, которыми Красная армия пыталась остановить продвижение вперед группы армий «Центр» на центральном участке фронта.

Советский танк, внезапно показавшийся в 1000 метрах от танка Дорша, был настоящим гигантом. В нем было около 6 метров длины, на своей широкой «спине» он нес плоскую башню и тяжело двигался вперед на непривычно широких гусеницах. Технический монстр, крепость на гусеничном ходу, механический геркулес. Бронетанковое транспортное средство, которое на Восточном фронте до этого никто не видел.

Лейтенант Дорш быстро собрался с мыслями и прокричал:

– Тяжелый вражеский танк! Башня на восемь часов! Бронебойными... Огонь!

5-см снаряд с грохотом и яркой вспышкой вылетел из ствола орудия и полетел в сторону советского танка.

Дорш поднес бинокль к глазам и стал ждать взрыва.

Гигант продолжал двигаться дальше. Дорш снова крикнул:

– Огонь!

Последовал еще один выстрел. Снаряд с воем пролетел вдоль шоссе и взорвался перед носом советского танка. Но гигант неторопливо продолжил свой путь. Судя по всему, обстрел его не беспокоил. Он даже не снизил скорость.

Справа и слева по шоссе шли еще два танка «Панцер-III» из передового отряда 17-й танковой дивизии. Они также увидели колосс и взяли его под обстрел. Снаряд за снарядом летели через шоссе. Земля тут и там взметалась вокруг вражеского танка. Порой раздавались глухие металлические звуки ударов. Одно попадание, второе, третье... Однако на монстра это не оказывало ни малейшего влияния.

Наконец, он остановился! Повернулась башня, поднялся ствол, сверкнула вспышка.

Дорш услышал пронзительный вой. Он нагнулся и скрылся в люке. Нельзя терять ни секунды. Меньше чем в двадцати метрах от его танка снаряд ударил в землю. Вверх взметнулся столб земли. Снова раздался страшный грохот. На этот раз снаряд упал за танком Дорша. Лейтенант злобно выругался и заскрежетал зубами. Водитель – обер-ефрейтор Кениг, – манипулируя рычагами управления, вывел «Панцер III» из зоны обстрела. Другие танки передового отряда кружили по местности, стараясь уклониться от непрерывно падающих снарядов.

На правой стороне шоссе заняло позицию 3,7-см противотанковое орудие. Через несколько секунд раздался голос командира орудия:

– Огонь!

Первый снаряд взорвался, ударившись о башню советского танка, второй – над правой гусеницей в носовой части.

И ничего! Никакого эффекта! Снаряды от него просто отскакивали!

Орудийный расчет действовал в лихорадочной спешке. Снаряд за снарядом вылетали из ствола. Глаза командира орудия были направлены на страшилище с красной звездой. Его голос срывался от напряжения:

– Огонь!

Но советский танк продолжал неторопливо двигаться вперед. Он прошел через кустарник на обочине дороги, смял его и, покачиваясь, приблизился к позиции противотанкового орудия. До него оставалось около тридцати метров. Командир орудия клокотал от ярости. Каждый снаряд попадал в цель и всякий раз отлетал от брони огромного танка.

Орудийный расчет уже слышал рев танкового двигателя. До танка оставалось двадцать метров... пятнадцать... десять... семь...

– С дороги!

Люди отскочили от орудия направо, упали и прижались к земле.

Танк ехал прямо на орудие. Он зацепил его левой гусеницей, смял своим весом и превратил в лепешку. Металл с треском сминался и рвался. В итоге от орудия не осталось ничего, кроме искореженной стали.

Затем танк резко свернул вправо и проехал несколько метров по полю. Дикие отчаянные крики раздались прямо из-под его гусениц. Танк добрался до орудийного расчета и раздавил его своими гусеницами.

Громяхая и раскачиваясь, он вернулся на шоссе, где исчез в облаке пыли.

Ничто не смогло остановить механического монстра. Он продолжал свой путь, прорвался через передний край обороны и приблизился к позициям немецкой артиллерии.

Недалеко от позиций немецкой артиллерии, в 12 километрах от переднего края обороны, русский танк наткнулся на немецкий бронетранспортер. Он свернул с шоссе и перекрыл проселочную дорогу, по которой двигался немецкий БТР. Внезапно он застрял. Его двигатель завывал. Гусеницы расшвыривали грязь и корни, но русские так и не смогли освободиться. Танк угодил в болото, в которое погружался все глубже и глубже. Экипаж выбрался наружу. Командир возился около открытого люка.

Со стороны немецкого бронетранспортера ударила пулеметная очередь. Советский командир танка упал как подкошенный, верхняя часть его туловища свесилась из люка. Вся команда советского танка погибла под немецким огнем.

Чуть позже немецкие солдаты влезли внутрь советского танка-страшилища. Командир танка был еще жив, но ему не хватило сил привести в действие механизм уничтожения танка.

Первый появившийся на Восточном фронте советский танк Т-34 оказался в руках немцев неповрежденным.

Некоторое время спустя командир находившегося поблизости артиллерийского батальона в изумлении осматривал стального монстра. Вскоре командование корпуса получило сообщение о захвате нового советского танка группой армий «Центр». Появление совершенно нового типа советских танков произвело на командование группы армий «Центр» эффект разорвавшейся бомбы. Этот новый 26-тонный тяжелый, бронированный 4,5-см стальными пластинами и с 7,62-см орудием танк был не просто равен всем другим существующим у немцев и другим воюющих стран типам танков, но и превосходил их. Этот факт обеспокоил группу армий «Центр», и, прежде всего, командование 2-й и 3-й танковых групп, которые двигались на восток.

Однако не следовало волновать пехотинцев и танкистов немецких дивизий, продвигавшихся вперед к востоку от Борисова. Т-34, который завяз в болоте, был не единственным танком в эти дни, появившимся на переднем крае обороны.

Восточнее Борисова 1-я московская моторизованная стрелковая дивизия вступила в бой с немецкими частями. Генерал-майор Крейзер, командир этой дивизии, только накануне был со своими войсками на этот участок фронта. Крейзер собрал в беспорядке отступающие от немцев на восток вдоль шоссе разбитые пехотные отряды и остановил танковые колонны, которые в панике теснили бегущих пехотинцев. Крейзер присоединил к своим частям и главные силы Борисовского танкового училища, которые упорно, но безрезультатно оборонялись на Березине.

Генерал-майор Крейзер развернул советские формирования на 180 градусов и вместе с 100 танками его собственной 1-й московской стрелковой дивизии, среди которых было несколько новых танков Т-34, нанес удар по 2-й танковой группе под командованием генерал-полковника Гудериана.

Вдоль шоссе Минск – Москва шли тяжелые бои. Советские солдаты хладнокровно атаковали немецкие подразделения. Они шли в огромном количестве и гибли сотнями. К востоку от Борисова шоссе Минск – Москва было буквально завалено мертвыми телами. Немецкие пикирующие бомбардировщики с воем обрушивались с неба и расстреливали очаги советского сопротивления. Каждую позицию приходилось завоевывать. Каждый советский танк вел огонь до тех пор, пока взрыв не разносил его на части. Раненые красноармейцы не покидали поля боя и продолжали сражаться до последнего вздоха.

Хуберт Горалла, ефрейтор санитарной службы 17-й танковой дивизии, рассказал следующее:

«Это было чистое безумие. Раненые лежали слева и справа от шоссе. Третья атака под нашим огнем окончилась крахом, тяжелораненые стонали так ужасно, что у меня кровь стыла в жилах. После того как мы оказали нашим товарищам медицинскую помощь, командир роты сказал мне, что в низине, расположенной в стороне от шоссе, лежит много раненых русских. Я взял несколько пехотинцев себе в помощь и направился к этой низине.

Они лежали вплотную друг к другу, как сельди в бочке. Один рядом с другим. Они стонали и кричали. На наших руках были опознавательные повязки санитаров, и мы приближались к низине. Они позволили нам подойти довольно близко. Примерно на двадцать метров. После чего они открыли по нам огонь. Два санитар-носильщика погибли в тот же миг. Мы бросились на землю. Я прокричал санитарам-носильщикам, чтобы они уползали, так как увидел раненых русских, появившихся из низины. Они хромали и ползли к нам. После чего они стали бросать в нас ручные гранаты. Угрожая пистолетами, мы не подпускали их к себе и вернулись на шоссе. Немножко позже раненые начали вести огонь по шоссе. Ими командовал раненый штабс-капитан, к левой руке которого вместо шины была привязана палка.

Через десять минут все было кончено. Второй взвод прорвался к шоссе. У раненых не оставалось ни одного шанса. Советский фельдфебель, лишившийся оружия и тяжело раненный в плечо, бросал вокруг себя камни, пока его не застрелили. Это было безумие, настоящее безумие. Они сражались как дикари – и погибали так же...»

То, что санитар Хуберт Горалла назвал безумием, было в действительности тщательно продуманным планом. Генерал-майор Крейзер, командовавший советским контрударом восточнее Борисова, вел вперед подчиненную ему 1-ю московскую стрелковую дивизию и резервные отряды с неумолимой жестокостью и беспощадностью.

Генерал-майор Крейзер, получивший звание Героя Советского Союза, после того как по его приказу целый полк был отправлен под огонь и принесен в жертву, не был одинок. За ним стоял другой человек.

Этим человеком был Андрей Иванович Еременко, генерал-лейтенант Красной армии.

Еременко прибыл в штаб советского маршала Тимошенко в Могилеве во второй половине дня 29 июня 1941 года.

22 июня 1941 года немецкие войска пересекли немецко-советскую демаркационную линию и форсированным маршем двинулись на восток. Немецкие танковые клинья под командованием генерал-полковников Гудериана и Гота ударили по сосредоточению советских войск на центральном участке фронта. Там, где советское сопротивление было особенно упорным, в дело вступали подразделения пикирующих бомбардировщиков 2-го воздушного флота под командованием генерал-фельдмаршала Кессельринга и уничтожали своими точно направленными бомбами вражеские позиции.

Советские отряды отступали. Они блокировали улицы и делали невозможной перегруппировку. Тем временем танковые группы Гота и Гудериана продвигались дальше. В советских войсках не было единства, поскольку было нарушено централизованное командование. Командиры дивизий не имели приказов. Когда же они наконец получили указания, было уже поздно. Хотя собранные на границе советские войска численно превосходили немецкие, уже в первые дни стало очевидно, что невозможно сдерживать немецкие бронированные кулаки. Дело было в принципах танковой тактики, которая была определена советским командованием.

Несмотря на это, командование Красной армией до этого времени находилось в руках квалифицированных стратегов.

Важнейшим человеком в руководстве Красной армии был Семен Тимошенко. В тот момент ему было 46 лет.

Тимошенко родился в 1895 году, его отцом был бессарабский крестьянин. Сначала юноша изучал слесарное ремесло, а в 1915 году был принят в царскую армию. После Октябрьской революции он был избран в полковой комитет, а вскоре после этого был назначен уполномоченным командиром полка. На этом посту он впервые продемонстрировал свое военное мастерство, в течение года обороняя большевистскую цитадель Царицын (позже Сталинград, Волгоград) от белых отрядов Деникина и Врангеля, и контрреволюционные войска в конце концов были отброшены. После этого Царицын был назван «Красным Верденом», а Семен Тимошенко получил звание «героя Царицына».

С тех пор военная карьера Тимошенко шла в гору. В 1919 году он служил командиром дивизии в 1-й конной армии Буденного. Шестью годами позже ЦК ВКП(б) возложил на него двойную функцию. Тимошенко становился командиром и политическим комиссаром кавалерийского корпуса. В этом качестве он принял участие в кампании против Польши, несколько раз был ранен и получил открытое признание Сталина за удачный прорыв в районе Житомира.

Семен Тимошенко был заместителем командующего Белорусским военным округом, когда в Германии пришла к власти НСДАП. В 1938 году он был назначен командиром стратегически важного Киевского военного округа.

При крахе Польши он, будучи командующим армией, руководил захватом восточных польских территорий. В зимнюю Финскую кампанию 1939–1940 годов Тимошенко командовал группой армий и за выдающиеся военные заслуги получил орден Ленина и звание Героя Советского Союза. Вскоре после этого он сменил прежнего военного комиссара Ворошилова, и ему было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Внешне и внутренне Семен Тимошенко был прототипом руководящего коммунистического функционера. Он был высокого роста, широкоплеч. На его лице редко отражались чувства. В Красной армии его ценили за выдающийся талант.

Но самым главным качеством Тимошенко была его интеллектуальная подвижность. Он вырос без должного образования. Читать и писать его научили товарищи в царской армии. Он использовал каждую свободную минуту для самообразования. Он много читал и имел общие представления о разных областях знаний, в основном занимаясь аналитической философией.

Следующей основной фигурой в руководстве Красной армии был Климент Ефремович Ворошилов. В тот момент он был командующим Северным фронтом. Родился Ворошилов в 1881 году в районе Екатеринослава; по профессии – слесарь. Его отец работал сторожем на железной дороге. В возрасте 18 лет впервые обратил на себя внимание общественности, став организатором забастовки. Он был арестован охранкой – царской тайной полицией – и отправлен в ссылку. Ворошилов много раз совершал побеги из ссылки, но всякий раз бывал пойман и в конце концов сослан в Сибирь. Оттуда он снова бежал. В 1917 году он появился в Петербурге, где был избран в первый состав Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

Затем Климент Ефремович Ворошилов вступил в большевистскую партизанскую армию. Он был руководителем партизан и сражался во главе 5-й украинской армии в Царицыне – «Красном Вердене». То, что Царицын оборонялся в течение года и сумел выстоять, не в последнюю очередь было военной заслугой Ворошилова.

Позже Ворошилов проявил себя хорошим военным командиром в кровавой неразберихе Гражданской войны. Вместе с Бела Куном он освободил Крым, а с легендарным советским кавалерийским вахмистром Буденным, позже ставшим Маршалом Советского Союза, сражался против белых банд Деникина и поляков. В 1924 году он стал командующим войсками Московского военного округа, потом продолжительное время был комиссаром внутренних дел на Украине, где стал членом ЦК ВКП(б).

Следующей выдающейся личностью в руководстве Красной армии был начальник Генерального штаба Борис Михайлович Шапошников. Он разительно отличался от Тимошенко и Ворошилова. Это был совершенно необычный тип, поскольку вел свое происхождение из касты, с которой товарищи Тимошенко и Ворошилов вели кровавую войну и которая почти полностью была уничтожена ЧК.

Шапошников родился в 1882 году в старой русской аристократической семье в Златоусте на Урале. Семья Шапошниковых дала царской армии много хороших офицеров.

Также и юному Борису Михайловичу было предназначено стать офицером. Он прошел все ступени лестницы, которых не миновал ни один юный дворянин: императорский кадетский корпус, московская военная школа, служба в петербургском гвардейском полку. Затем – откомандирование в военную академию. Там молодой старший лейтенант обратил на себя внимание своими выдающимися дарованиями. Его несомненный талант, отточенное красноречие и способность к глубокому анализу способствовали переводу в Генеральный штаб. В 1918 году тогда 36-летний Шапошников был самым молодым полковником царской армии.

В начале большевистской революции полковник Шапошников перешел на сторону красных. В 1929 году он уже был руководителем Генерального штаба красных. До этого времени он, будучи командующим войсками Московского военного округа, заставил говорить о себе как о замечательном политическом и военном деятеле.

Его главная задача заключалась в том, чтобы создать московскую военную академию и подготовить руководящий корпус Красной армии. Затем он стал командующим Ленинградским военным округом. Большие чистки и кризис, связанный с именем Тухачевского, жертвами которых пало множество советских офицеров, он пережил в тюрьме. Но вскоре снова оказался на свободе. В 1937 году он стал руководителем Генерального штаба. Кроме того, получил орден Ленина и звание маршала.

Когда правительства Германии и СССР в 1939 году заключили экономический договор и Пакт о ненападении, маршал Шапошников был освобожден от своих обязанностей по причинам, якобы связанным со здоровьем. В действительности это произошло потому, что он считал связь с Германией ложной и опасной и открыто об этом говорил.

Однако Шапошников не долго оставался в стороне. Когда начались напряжения в германо-советских «дружеских» отношениях, Сталин вернул маршала из опалы. В опасную эпоху,

когда немецкие танки громили центральный участок советского фронта и рвались к Москве, он был в третий раз назначен руководителем советского Генерального штаба.

Тимошенко, Ворошилов и Шапошников понимали величину опасности, которая приближалась с запада и подступала к Москве. Они понимали, что Советский Союз может погибнуть, если в ближайшее время не произойдут бы решающие перемены. Затем оказалось, что генерал Павлов – специалист по танкам и заместитель маршала Тимошенко – больше не может сдерживать немецкие танковые клинья. Он не справлялся. Уничтожающие удары немецких танков против подчиненной ему армии морально сломили его. Он ни на что не мог решиться.

Тимошенко посоветовался с Шапошниковым. Ворошилов переговорил с руководителем Генерального штаба. После этого маршал Шапошников отправился в Кремль и имел беседу со Сталиным. Что произошло во время этого обсуждения, так никогда и не стало известно. Однако можно предположить, что проницательный Шапошников обратил внимание Сталина на одного человека, который командовал войсками на Дальнем Востоке и которого почти никто не знал.

Этим человеком был генерал-лейтенант Андрей Иванович Еременко.

В первой половине дня 29 июня 1941 года, спустя неделю после начала войны между Германией и Советским Союзом, Еременко вошел в штаб маршала Тимошенко в Могилеве.

Кроме того, маршалы Ворошилов и Шапошников также прибыли в Могилев. Тимошенко, Ворошилов и Шапошников разъяснили незнакомому генерал-лейтенанту с Дальнего Востока ситуацию. Они обрисовали его задачи и выразили надежды, которые на него возлагал Сталин и Советский Союз.

Через час к ним присоединился секретарь ЦК КП Белоруссии и политический комиссар группы армий центрального участка фронта Пономаренко. Пономаренко обсудил с генерал-лейтенантом Еременко экономические меры, которые следует принять, чтобы решить вопрос снабжения. Кроме того, политический комиссар, будучи членом Военного совета, проинформировал Еременко о возможном усилении обороны страны гражданским населением.

Генерал-лейтенант Еременко, коренастый мужчина около сорока лет с полным лицом, высоким лбом и короткими волосами, был немногословен. Он внимательно слушал, а его серые глаза задумчиво скользили по карте военных действий. Вскоре после обсуждения в штабе он уехал на фронт. В штабе группы армий его встретили с недоверчивым удивлением и жалостливой благосклонностью.

Что здесь хотел генерал-лейтенант с Дальнего Востока? Будь он хотя бы генерал-полковником! А так, кому знакомо имя этого человека? Еременко? Нет, совершенно незнакомо. Мы его не знаем!

Еременко действовал решительно. Вначале он снял генерала Павлова с командования. Затем он собрал всех офицеров Генерального штаба и попросил их доложить обстановку.

Уже спустя несколько минут Еременко установил, что все офицеры штаба были полностью беспомощны. Они точно не знали, что происходит на фронте. Даже с силами находящихся в их распоряжении войск все было не ясно. Офицеры штаба не могли точно сказать, где в данный момент находится фронт! Точно так же была не ясна ситуация со снабжением. Эти товарищи не знали ничего, совершенно ничего!

Активный Еременко тут же развернул изнурительную деятельность. Связные-мотоциклисты отправились к дивизиям. Зазвонили полевые телефоны. Еременко занимался сразу всем. Иногда он вел сразу три телефонных разговора одновременно. Стучали пишущие машинки.

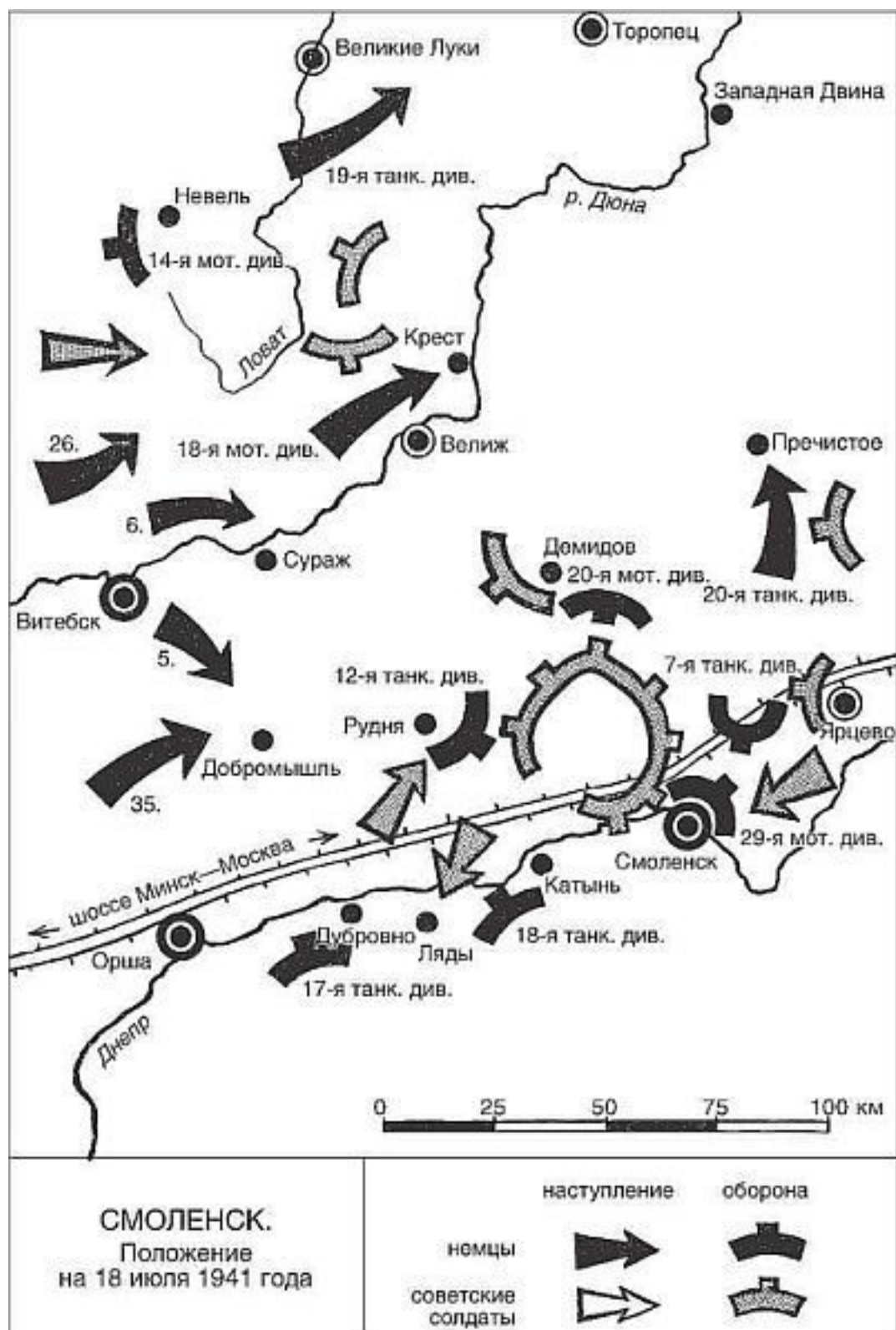
К вечеру 29 июня Еременко получил наконец некоторое представление о положении вещей.

Генерал-лейтенант Еременко хотел при любых обстоятельствах помешать немецким передовым танковым частям пересечь Березину. Он точно знал, как можно остановить немецкое наступление. Он должен был бросить наперерез немецким войскам все возможные и невоз-

можные силы. Он должен построить стену из трупов перед немцами. Он вынужден был принести много жертв, очень много жертв. Он должен отправить под немецкий огонь целые дивизии и оставить их там истекать кровью. Десять дивизий, двадцать, тридцать... Против немцев необходимо было бросить все. Но для начала нужно эти дивизии иметь. А для этого нужно время. Однако время могло появиться только тогда, когда немцы будут остановлены. Немцев можно было остановить на Березине – естественной преграде. Березину следовало удержать любой ценой. Не считаясь с потерями и при любых обстоятельствах.

Еременко точно знал, чего он хочет.

Но кое-чего он все же не знал. Например, что его приказ держаться опоздал на 24 часа. Поскольку 3-я танковая дивизия 2-й танковой группы под командованием генерал-полковника Гудериана уже вечером 28 июня взяла Бобруйск. Дивизия сломила сопротивление на улицах города и после упорной борьбы вышла к берегу Березины.

Генерал-лейтенант Еременко даже не догадывался об этом. Вечером 29 июня во время обсуждения положения на фронте об этом его никто не поставил в известность. Из-за быстрого продвижения немцев и тяжелых атак пикирующих бомбардировщиков связь между отдельными подразделениями Красной армии практически не работала. Уцелевшие линии связи находились в таком беспорядке, что передать точное сообщение было невозможно.

Даже вечером 30 июня Еременко ничего не знал о прорыве 3-й танковой дивизии к Березине в районе Бобруйска. Дивизия сумела, несмотря на ожесточенные бои, создать плацдарм и переправить пехотный батальон через реку. Так первые немцы переправились через Березину. Даже 1 июля Еременко еще был уверен, что сумеет удержать Березину. Сообщение о катастрофе так и не достигло его штаба!

Но неясность, по крайней мере, придавала ему уверенность. Надежда, что русские сумеют удержать в действительности уже потерянную позицию у Березины, придавала ему силы.

Еременко двигался на ощупь в темноте, но при этом развернул активную деятельность. Он рассчитывал, что немцы попытаются перейти Березину у Бобруйска и еще севернее у Борисова. Поэтому он поднял всех людей, которых сумел найти, и бросил на Бобруйск и Борисов.

И только 2 июля Еременко узнал о масштабах катастрофы: еще 28 июля немцы вышли к Березине у Бобруйска! А 1 июля генерал-полковник Гудериан полностью занял позиции на Березине.

1 июля 18-я танковая дивизия генерала Неринга подошла к Березине у Борисова. Разведка вышла к мосту через реку. Было установлено, что мост подготовлен к взрыву. Взрыватель находился на восточном берегу. Простого нажатия на рычаг было достаточно, чтобы мост взлетел в воздух.

10-я рота 52-го гренадерского полка получила приказ занять мост через Березину. Примкнув штыки, grenадеры бросились вперед. С западной стороны моста по ним ударила пулеметная очередь. Атака быстро остановилась. Но затем солдаты 10-й роты продолжили штурм. Ручные гранаты полетели через пропитанный жаром воздух. Советские пулеметчики отчаянно сопротивлялись, но в конце концов были уничтожены.

Затем немецкие сапоги застучали по земляному покрытию въезда на мост. Во главе шла группа унтер-офицера Букачика. Пот тек по лицам людей. Но причиной тому была не только жара. Где-то совсем рядом была заложена взрывчатка, которая в мгновение ока могла уничтожить все живое.

Группа Букачика боролась за жизнь. Это был бег наперегонки со смертью. Они должны были стать быстрее русских. Им было необходимо добраться до взрывателя на восточном берегу реки раньше, чем находящиеся там советские саперы нажмут на рычаг. Счет шел на секунды, доли секунды.

Пока унтер-офицер Букачик впереди своих людей бежал через мост, ему пришла в голову мысль: нет, они так ничего не добьются, все нужно делать иначе.

Букачик тотчас начал действовать. Он разглядел у правых перил моста кабель взрывателя. Кабель вел к опоре. Букачик перепрыгнул через перила. Передвигаясь на руках в висячем положении, он забрался на опору. Его руки были мокрыми от пота. Он увидел кабель, который тянулся вокруг опоры и исчезал в отверстии. Букачик долю секунды рассматривал свежезаманное отверстие. Если Иван на той стороне реки нажмет на рычаг, все будет кончено.

Так не должно быть! Букачик схватился левой рукой за нижнюю штангу перил. Колено он упер в опорную балку, которая располагалась под перилами. Затем он глубоко вздохнул, схватил правой рукой кабель и рванул его на себя. Резкое движение едва не сбросило его с моста. Но он это сделал! Он оборвал кабель. Теперь Иван может спокойно нажимать на свой рычаг! Ничего не случится!

Унтер-офицер Букачик отпустил кабель. Его руки и колени дрожали. Он помедлил еще несколько секунд и снова забрался на мост.

Солдаты 10-й роты добрались до западной стороны моста и защитили мост от советского контрнаступления. Вскоре после этого передовой отряд 18-й танковой дивизии соединился с отрядами 18-го танкового полка под командованием майора Тееге по ту сторону моста. 18-

й батальон стрелков-мотоциклистов проехал с громыхающими моторами, за ним на другой берег реки перебрался зенитный батальон.

2-я танковая группа перешла Березину! Немецкому прорыву сопутствовала удача и у Бобруйска, и у Борисова, где его ждал генерал-лейтенант Еременко! Но генерал-лейтенант Еременко об этом ничего не знал! Он все еще думал, что у Березины немцев можно будет остановить.

Еременко был не единственным офицером, лелеявшим эту надежду. В первую очередь, юные курсанты и совсем молодые офицеры из Борисовского танкового училища все еще были уверены, что немцев можно будет остановить.

Они стояли на покинутых позициях. Они знали об этом, ибо не получили никаких приказов и распоряжений. Они просто схватились за оружие и бросились на землю, когда на Березине появились немцы. 15-летние выпускники, 17-летние фенрихи и 20-летние лейтенанты собрались вместе и поделили между собой боеприпасы.

Они окапывались в подвальных помещениях, прятались в подворотнях, устраивали позиции на крышах. Оттуда они бросали ручные гранаты и бутылки с зажигательной смесью в немецкие танки. Они вели огонь из подвальных окон и бросались из подворотен на танки.

Но остановить немецкое наступление они не могли. Танки ехали дальше. За ними следовали стрелки-мотоциклисты. Воздух был наполнен грохотом взрывов, криками раненых, стонами умирающих.

Курсанты и лейтенанты из Борисовского танкового училища понимали, что погибнут. Но они не сдались. Они задыхались в подвалах, гибли во дворах и продолжали вести огонь с крыш, даже когда за их спинами полыхало пламя. Они прекращали стрелять, только когда крыши обрушивались, погребя под собой юных бойцов.

Лишь очень немногим удалось перейти мост через Березину. Одна группа раненых курсантов и лейтенантов заняла позицию на западном конце моста. Они не могли больше бежать, поскольку были слишком слабы и слишком измотаны. Они должны были погибнуть. И знали это. Поэтому они хотели, чтобы их смерть не была напрасной. Они притащили пулемет «Максим» и открыли огонь по штурмующей мост 10-й роте 52-го гренадерского полка. Они стреляли до последнего вздоха. Только тогда путь через Березину оказался открытым.

Но не только солдаты Борисовского танкового училища оказали яростное сопротивление немцам. Не менее упорно сражались пилоты советских штурмовиков и истребителей.

Генерал Еременко ввел их в бой. Он надеялся, что они смогут эффективно противостоять штурмовой авиации 2-го воздушного флота, которая очищала путь для танковых частей генерал-полковника Гудериана.

Фактически истребители типа Me-109 и Me-110 действительно являлись смертельно опасными для подразделений Еременко. Самолеты находились в воздухе с раннего утра до вечера. Они стреляли по всемдвигающимся целям и, таким образом, настолько полно контролировали ситуацию на земле, что передвижение войск было возможно только с очень большими потерями.

Потери Еременко не пугали. Перед его людьми стояла лишь одна задача – истечь кровью. Но когда это происходило за линией фронта, их конец не имел смысла. Их смерть была ценна только в том случае, если на фронте путь врагу преграждала стена из человеческих тел.

Еременко встретился с командирами групп воздушных отрядов, сражавшихся на западном участке фронте.

Также он говорил с пилотами об их сражениях с немцами. Еременко всех внимательно выслушал, вернулся в свою штаб-квартиру и тщательно все обдумал. В конце концов он придумал следующую уловку.

Пилоты ему рассказали, что враг уже ввел в действие подразделения истребителей, в то время как Советский Союз отправил штурмовики на флот. И в этом Еременко увидел свой шанс.

Утром 1 июля он приказал ввести в бой пятнадцать штурмовиков И-15 и пять истребителей типа И-17. Около девяти утра эти советские самолеты появились над Борисовом. Бесформенные штурмовики-бипланы ударили по скоплению немецких танков. Современные истребители И-17 кружили высоко в небе. Непрерывно строчил пулемет, гремели моторы, грохотали бомбы.

Однако вскоре грохот донесся с запада. Стремглав приближались немецкие истребители «Мессершмитт» и атаковали вражеские самолеты. Русские штурмовики значительно уступали немецким машинам, так как Ме-109 были значительно быстрее и маневреннее.

За несколько минут немецкие истребители сбили три вражеских самолета.

Однако чуть позже на поле воздушного боя показалась новая армада. Двадцать четыре советских самолета типа И-16 обрушились на немцев.

Эти русские машины были несколько маневреннее в воздушном бою, однако это полезное качество компенсировалось более высокой мощностью двигателей и превосходящей скоростью немецких истребителей «Мессершмитт». В сравнении с современными Ме-109 с их тяжелым вооружением русские истребители выглядели устаревшими. Над Борисовом началось настоящее безумие.

Обер-ефрейтор Ешке из 18-й танковой дивизии был тому очевидцем:

«Казалось, что машины вгрызаются друг в друга. Они срывались в крутые виражи, проносились на малой высоте над землей, взмывали ввысь и летели друг на друга по такой невозможной траектории, что было непонятно, куда надо смотреть. Несколько толстопузых русских бипланов, пылая, упали с неба и взорвались в поле.

Но затем нам пришлось испытать настоящий ужас. Один из наших истребителей, оставляя за собой длинный хвост дыма, пролетел над нашей позицией. Он ударился о землю и взорвался. Вслед за ним упал на землю второй истребитель. На нас посыпались комья земли. После чего я увидел, как еще один немецкий истребитель развалился на куски в воздухе. Спустя несколько секунд пылающий „Мессершмитт“ вонзился в землю в нескольких метрах от шоссе. Вылилось топливо. Оно потекло горячей рекой через шоссе и охватило БТР. Несчастные члены экипажа живыми факелами побежали через шоссе. Другой „Мессершмитт“ зашел на аварийную посадку на поле, однако один из толстопузых монстров с красной звездой на фюзеляже подлетел к нему сзади и сбил, когда тот уже почти добрался до земли...»

То, что обер-ефрейтор Ешке из 18-й танковой дивизии пережил утром 1 июля в районе Борисова, было первым успехом советского генерал-лейтенанта Еременко. Введенные в бой по его приказу советские истребители использовали момент внезапности и сбили в общей сложности пять немецких машин за семь минут.

Однако дело не ограничилось пятью воздушными победами. Советские истребители в тот день атаковали непрерывно. Немецкие машины давали им отпор. Когда день склонился к вечеру, советские летчики добились впечатляющих успехов.

Воздушный бой продолжился 2 июля. Снова русские атаковали в соответствии с тактикой Еременко. Прилетели немцы. Опять разгорелось ожесточенное сражение в воздухе. Когда оно завершилось, Еременко поручил своему офицеру связи установить связь с Москвой. Через несколько минут ему ответил начальник Генерального штаба маршал Шапошников. Еременко рассказал о воздушном сражении. В тихом голосе Шапошникова появились несомненные ликующие нотки, когда он переспросил:

– Значит, вы говорите, шестьдесят сбитых самолетов, товарищ генерал-лейтенант?

– Так точно, товарищ маршал. Наши летчики в воздушном сражении над Бобруйском и Борисовом сбили шестьдесят немецких машин.

Шапошников сдержанно кашлянул:

– Вы абсолютно уверены, товарищ генерал-лейтенант?

– Совершенно уверен! Это абсолютно точные данные, товарищ маршал!

Хотя Борис Шапошников и передал информацию Еременко Верховному командованию Красной армии, он точно знал, что это сообщение об успехах будет воспринято скептически. И оказался прав. Поэтому небывалый успех советских летчиков в Бобруйске и Борисове так никогда и не был подтвержден официально. По-видимому, этому, с полным основанием, не смогли поверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.